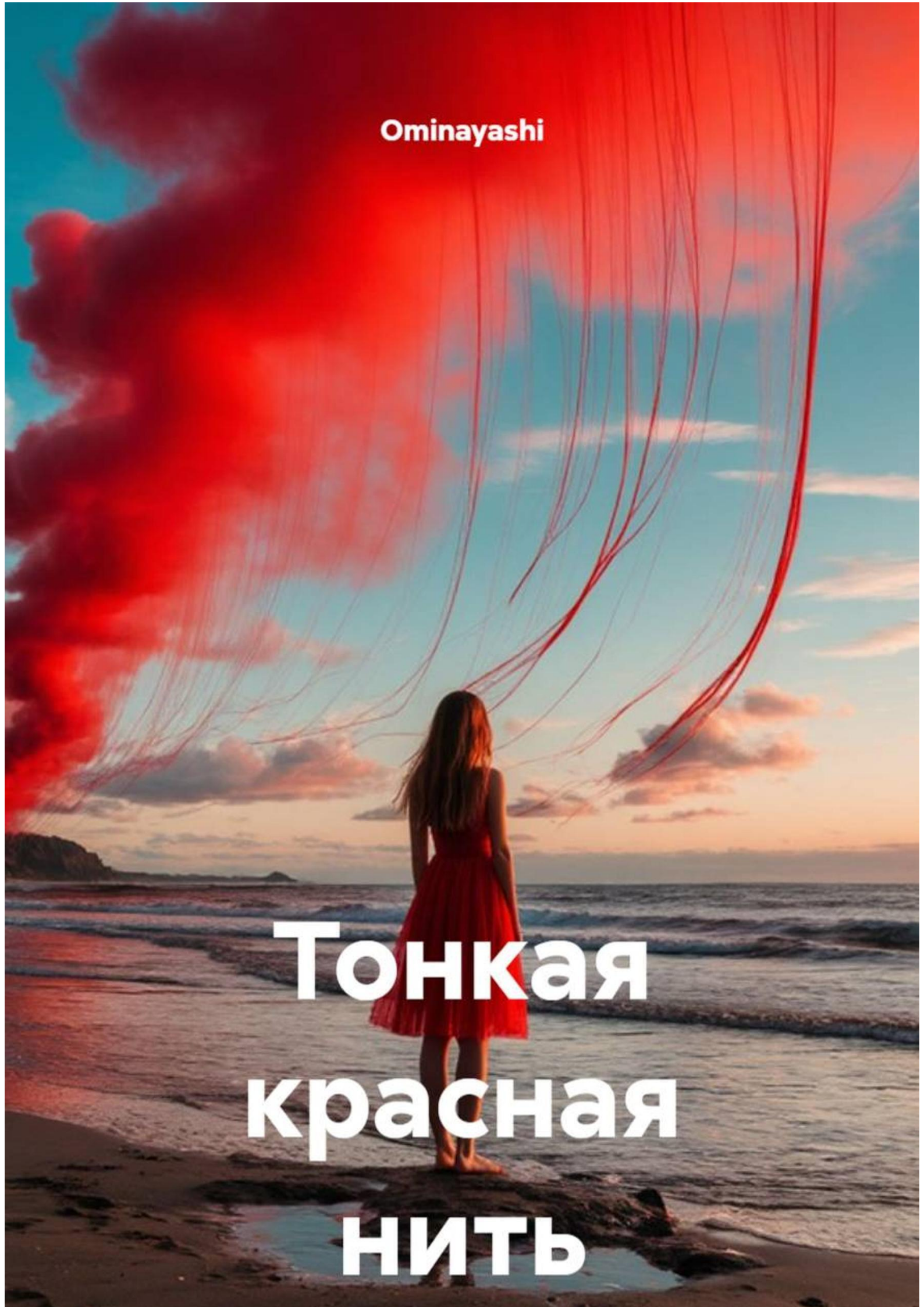

A woman with long hair, seen from behind, stands on a dark, rocky shore. She is wearing a vibrant red, sleeveless dress. She is looking out at a large, translucent red jellyfish that dominates the upper half of the frame. The jellyfish's long, thin tentacles hang down towards the water. The sky is a mix of deep blue and orange, with large, billowing red clouds on the left side. The ocean waves are visible in the background, and the overall scene has a surreal, dreamlike quality.

Ominayashi

Тонкая красная нить

Ominayashi

Тонкая красная нить

«Автор»

2026

Ominayashi

Тонкая красная нить / Ominayashi — «Автор», 2026

«Тонкая красная линия» — сказочная притча о связи, которая сильнее расстояния и пустоты, разворачивающаяся в двух мирах: городе Ехо, где небо меняет цвет без предупреждения, и Ущельном Крае за горизонтом. Шая из Ехо с детства видит нити — между деревьями, камнями, людьми. Однажды из её груди выходит красная нить и уходит за горизонт. Койл, слуховой топограф из Ущельного Края, слышит зов, который не может проигнорировать. Он идёт через Лес Между — живое существо, которое помнит всех, кто прошёл сквозь него, — и сталкивается с Ткачами Пустоты, древними силами, которые рвут связи между мирами. Шая чувствует, как нить дрожит от холода, и каждый вечер шепчет: «Я здесь. Держись и ты». Когда они наконец встречаются у ручья, нить вспыхивает и становится шире — пустота отступает, связь побеждает. Рассказ — о том, что тонкая красная линия жизни — не просто связь, а обещание: держать другой конец нити, даже когда мир вокруг полон теней.

© Ominayashi, 2026

© Автор, 2026

Ominayashi

Тонкая красная нить

Тонкая красная линия

Глава 1. О том, как Шая увидела нить

В мире, где небо имеет обыкновение менять цвет без предупреждения — а небо в Ехо, надо сказать, меняло его с такой же невозмутимой регулярностью, с какой иные люди меняют носки, — существовали вещи, которые не полагалось видеть. Не потому, что они были запрещены. Нет. Запрещать — это слишком конкретное действие, требующее ума, воли и хотя бы минимального уважения к запрету со стороны запрещаемого. Вещи, которые не полагалось видеть, просто существовали — тонко, незаметно, как запах хлеба в чужом доме, до которого вам нет дела. Вы чувствуете его, но не обращаете внимания. А если обратите — испугаетесь. Потому что хлеб в чужом доме — это не ваш хлеб, и видеть чужое — опасное занятие.

Шая видела.

Она не знала, когда это началось. Может быть, в тот день, когда ей исполнилось семь и она впервые посмотрела на закат над Королевским парком и заметила, что солнце опирается на горизонт не так, как опираются обычные светила — тяжело, лениво, как старый кот ложится на подоконник, — а иначе: будто оно повисло на чём-то. На чём-то тонком, красном, почти невидимом. Нити. Точно нити, которая шла от солнца куда-то вниз, за крыши, за деревья, за поворот улицы Лукового Бульвара, туда, где Шая не могла разглядеть, но куда неумолимо тянулся её взгляд.

Она рассказала об этом отцу. Отец — человек основательный, служивший в Малом Королевском Секретариате и привыкший иметь дело с вещами, которые можно зарегистрировать, проштамповать и подшить в дело, — посмотрел на неё долгим взглядом, в котором любопытство боролось с тревогой, и сказал:

— Не рассказывай об этом никому, девочка.

И больше ничего не сказал. Это был хороший совет, хотя Шая тогда не поняла, почему. Она не рассказала. Но продолжала видеть.

Нити были повсюду.

Между деревьями — тонкие, зеленоватые, пульсирующие, как ручки в засуху. Между камнями старой стены на улице Крюконосов — серые, хрупкие, готовые рассыпаться. Между людьми — самые разные: толстые и ленивые, нервные и дёрганные, редкие золотые — и те, что Шая научилась называть про себя «настоящими». Настоящих было мало. Очень мало. Они тянулись от одного человека к другому — через улицы, через крыши, через весь город — и светились так тихо, что заметить их можно было, только если очень долго и очень пристально смотреть. Или если знать, куда смотреть.

Шая знала.

Она знала, что нить между матерью и ею — тонкая, но крепкая, цвета тёплого янтаря. Что между отцом и матерью нить когда-то была — а теперь почти истлела, осталась только тёмная, едва заметная полоска, похожая на след от ожога. Что между ней и старой тётушкой Кет, которая продавала пирожки на углу улицы Мануминов, нет никакой нити — и это при том, что тётушка Кет была к Шае добра и всегда клала ей лишний пирожок. Нити не подчинялись доброте. Они подчинялись чему-то другому, чему-то, у чего не было названия, — во всяком случае, в языке, которому Шаю учили.

К шестнадцати годам она привыкла к этому зрению. Она носила его, как носят родинку: незаметно для других, иногда с неудобством, иногда с любопытством, но всегда — как часть себя. Она не искала нитей. Они сами находились.

А потом, однажды утром — это было в начале месяца Мелкого Дождя, когда воздух в Ехо делается стеклянным и хрупким и каждый звук в нём звенит, как звонок в пустом коридоре, — Шая вышла из дома за хлебом и увидела нить, которой не видела никогда прежде.

Она шла от неё. От неё самой. Тонкая, красная, как та, на которую опиралось солнце в её семилетней памяти, — но не солнечная, а живая, тёплая, пульсирующая, как кровеносный сосуд, как ручей, который не замерзает даже в самую лютую стужу. Нить уходила из её груди — не из сердца, нет, а откуда-то из района солнечного сплетения — и тянулась вдаль, через улицу, через крыши, через крыши других крыш, через парк, через реку, за горизонт.

За. Горизонт.

Это было невозможно. Нити между людьми, которые Шая видела до сих пор, никогда не уходили за горизонт. Они были городскими существами, как кошки, как голуби, как дым из печных труб. Уходить за горизонт — это всё равно что уйти из мира, и Шая не знала, есть ли мир за горизонтом Ехо.

Она стояла на пороге дома, держа в руке медную монету для хлебопёка, и смотрела, как нить уходит вдаль. Ветер с реки трепал ей подол. Небо над городом было цвета выцветшего индиго с проблесками меди. В парке кричала какая-то птица — кажется, синеклювый барбар, — и крик её был похож на звук, который издаёт натянутая струна, если задеть её пером.

Шая не пошла за хлебом. Она вернулась в дом, села у окна и стала смотреть, как нить слабо, едва заметно мерцает в утреннем свете.

Она не испугалась. Она не обрадовалась. Она просто поняла — с той ясностью, с какой человек понимает, что зима наступила, не потому, что кто-то ему сказал, а потому, что вдохнул морозный воздух и лёгкие свело холодом, — что где-то за горизонтом есть человек, к которому её привязали. Не она. Не он. Кто-то третий. Или не третий, а что-то третье. Или ничто третье, а просто — мир. Мир, который плетёт свои нити и не спрашивает разрешения.

— Ну и ладно, — сказала Шая вслух. — Подождём.

И стала ждать.

Глава 2. О том, как Койл слышал голос

Койл жил далеко от Ехо — настолько далеко, что это «далеко» не помещалось ни на одной карте, хотя Койл, надо сказать, видел карты. Он даже рисовал их. Это была его профессия: он был топографом — не обычным, а тем, кого в его краях называли «слуховым топографом», потому что карты свои он составлял не по зрению, а по слуху.

Край, в котором он жил, назывался Ущельным Краем, и название это было обманчиво точным: край состоял из ущелий. Гигантских, древних, вырубленных в скале ветрами и временем, с отвесными стенами, покрытыми мхом цвета старого серебра, и дном, по которому текли реки — быстрые, бирюзовые, холодные даже в разгар лета. В ущельях гуляло эхо. Не метафорическое эхо, а настоящее, физическое, живое — эхо, которое имело обыкновение повторять не только звуки, но и мысли, если мысли были достаточно громкими. Поэтому в Ущельном Крае люди привыкли думать тихо. Очень тихо. Шёпотом. Иначе собственные мысли возвращались к тебе, увеличенные в десять раз, и это было, по свидетельству очевидцев, крайне неприятно.

Койл думал тихо. Он вообще был тихим человеком — высоким, худым, с лицом, на котором черты казались нарисованными чьей-то аккуратной, но не слишком уверенной рукой: нос чуть длиннее, чем нужно, брови чуть темнее, чем следовало бы, глаза — серые, как дно ущелья в туман. Он носил старую куртку из выделанной козьей кожи, которая пахла дымом и можжевельником, и сапоги, которые чинил сам, потому что сапожник жил в соседнем ущелье, а до него было три часа спуска и подъёма, и три часа обратно, и Койл предпочитал тратить это время на карты.

Карты, которые он рисовал, были странными. На них не было дорог — потому что в Ущельном Крае не было дорог в привычном смысле, а были только тропы, и тропы меня-

лись каждый сезон, потому что камни сдвигались, а реки меняли русла, и то, что вчера было переходом, сегодня становилось обрывом. Вместо дорог на его картах были звуковые контуры — линии, соединяющие места, где эхо звучало одинаково. Места, где эхо повторяло дважды. Места, где оно повторяло семь раз — такие места считались опасными, потому что семикратное эхо могло повторить мысль так громко, что человек терял сознание. И места, где эхо молчало. Молчание эха в Ущельном Крае означало одно из двух: либо ты находишься в мёртвой зоне, где звук не возвращается, потому что ему не от чего отразиться, — а мёртвые зоны в Ущельном Крае были гибельными, там не росло ничего и не жило ничего, даже насекомые, — либо ты находился в месте силы. Места силы были редки, и Койл отмечал их на картах золотой краской, которую делал сам из толчёного солнечного камня — так в его краях называли янтарь, хотя янтарь в Ущельном Крае не водился, и солнечный камень привозили торговцы из-за гор.

Той ночью, о которой пойдёт речь, Койл сидел на выступе скалы над ущельем Тихого Рева — странное название, но в Ущельном Крае странные названия были нормой, как и странные ущелья, и странные люди, которые в них жили. Тихий Рев назывался так потому, что в его глубине эхо молчало, но молчало не как в мёртвой зоне — мёртво, пусто, безвоздушно, — а как молчит человек, который знает, что сказать, но не говорит. Это молчание было наполненным, тяжёлым, давящим, и те, кто спускался на дно Тихого Рева, говорили, что чувствуют себя так, будто стоят перед закрытой дверью и знают, что за дверью кто-то есть, но дверь не открывается.

Койл любил это место. Он приходил сюда, когда ему нужно было думать — не тихо, как обычно, а громко, по-настоящему, так, чтобы мысли заполняли голову целиком, до краёв, до потолка. Здесь, где эхо молчало, можно было думать громко и не бояться, что мысли вернутся увеличенными. Они уходили в молчание и не возвращались. Это было удобно и, если подумать, немного печально.

В ту ночь луна стояла над ущельем — огромная, цвета кислого молока, с неровными краями, словно её откусили и не доели. Стены ущелья внизу были мокрыми от росы, и мох на них мерцал, как если бы кто-то разложил на камнях мокрые серебряные монеты. Ветер — тёплый, непривычный для этого времени года — дул с юга, и в нём был запах, которого Койл не знал. Не ущельев. Не гор. Не можжевельника, не дыма, не козьей кожи. Что-то другое. Что-то цветочное и вместе с тем хлебное, тёплое, домашнее, как запах кухни в чужом доме.

И тогда Койл услышал голос.

Не эхо. Голос.

Он шёл не снаружи — а изнутри. Из груди, из района солнечного сплетения, откуда у Койла, если честно, никогда ничего не исходило, кроме occasionalной изжоги после жирной козлятины. Голос был тихий, женский, и говорил он — нет, не говорил, а пел? Нет, не пел. Он просто был. Как бывает тишина, которая громче крика. Голос был подобен такой тишине: Койл не слышал слов, но понимал, что где-то далеко — за ущельями, за горами, за горизонтом, за всем, что он знал, — есть кто-то, к кому его тянет. Не любопытство. Не долг. Не чувство направления, которое у топографа должно быть развито лучше, чем у прочих людей. Нет. Тяга. Простая, физическая, неодолимая, как тяга реки к морю.

Койл закрыл глаза. В темноте за веками он увидел — нет, не увидел, а почувствовал — нить. Тонкую, красную, тёплую, живую. Она уходила из его груди — вдаль, за ущелья, за горы, за всё, что было на его картах, в то место, которого не было ни на одной его карте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.